

(Горловка)

ОТРАЖЕНИЕ ФОРМ МЫШЛЕНИЯ

В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КОЛОРАТИВОВ

У статті розглянуто колоративи, семантика яких відображає форми мислення людини. Йдеться про образні, символічні та кольорові значення в семантичній структурі колоративів, що зумовлені міфологічною та логічною формами мислення людини. Новизна статті – в розгляді компонентів значення колоративів крізь призму форм мислення.

Ключеві слова: колоратив, міфологічне мислення, логічне мислення, структура значення, семантика.

The given article studies the colour terms with the semantics resembling the forms of human thinking. It deals with figurative, symbolic and colour meanings in the semantic structure of colour terms which are conditioned by mythological and logical forms of human thinking. The novelty of the article is in the study of the colour terms meaning components in the light of the forms of thinking.

Key words: colour term, human thinking, logical thinking, meaning structure, semantics.

Ядро лексико-семантической группы колоративов русского языка обладает сложной семантической структурой. Это обусловлено многими факторами, в числе которых динамика развития форм человеческого мышления. Изучению причин, влияющих на структуру значения колоративов, посвящено немало работ (см., например, исследования В. В. Колесова, Н. А. Луценко, Л. Н. Мироновой, Е. В. Рахилиной, С. В. Кезиной, К. Роу и др.). Однако, несмотря на научный интерес к данной проблеме, многие аспекты остаются невыясненными. Цель статьи – рассмотреть компоненты значения колоративов русского языка с учётом теории развития форм мышления, предложенной Э. Кассирером, Леви-Брюлем, А. А. Потемной и др.

Если согласиться с тем, что мышление не только многомерно, но и динамично, то именно динамика развития мышления от первичного мифического (образного, "пра-логического" по Леви-Брюлю) к производному понятийному (логическому) могла вызвать образные, символические и собственно цветные составляющие семантики колоративов как компонентов свободных и связанных структур.

Мифическая форма мышления отличается от последующих форм тем, что в ней ещё не произошло отделение образа от самой вещи, объективного от субъективного, внутреннего от внешнего. Как считает Э. Кассирер, вещи и явления природы в мифическом мышлении представляются символами, за которыми скрываются действия, умысел и воля сверхъестественных сил. Если следовать этой логике, то наличие профанных, сакральных, inferнальных и др. смыслов в структуре значения наиболее древних колоративов, синкретизм их семантики связаны с первичной мифической (образной) ментальностью русского народа. Напротив, собственно цветные значения обусловлены производной понятийной формой мышления русского народа. Рассмотрим их.

Сакральные, имеющие отношение к Божественному, религиозному, небесному, потустороннему и иррациональному, находясь в оппозиции к обыденным представлениям, реализуются в семантике многих колоративов. В их числе слово белый. Данный адъектив осмысливается в русской лингвокультуре не только как вербальный знак белого цвета (как и его эквиваленты во многих других языках мира), но и в качестве 'прото-цвета', 'сверх-цвета', 'не-цвета', 'перво-цвета'. Принято считать, что ещё на стадии мифического мышления, т. е. в период формирования первичной языковой структуры и системы значений, за данным колоративом закрепилась коннотация начала жизни, начала света (об этом см. работы В. У. Тэрнера, Н. В. Злыдневой, В. Ш. Курмакаевой и др.). В этой связи Н. В. Злыднева пишет: "Выступая одновременно как эквивалент и света, и пустоты, он [колоратив белый. – И. Г.] осмысливается как прото-цвет и сверх-цвет" [7, с. 424].

Действительно, в язычестве акт творения или происхождения космоса связывали именно со светом. Свет характеризовался по отношению к источнику (свету светила) и проявлял себя "в рамках языческого космоса" [21, с. 170] (о небесном боге благоденственного солнечного Белого Света см., например, у Б. А. Рыбакова [19]). Тем самым свет занимал "важное место в языческих верованиях" [14, с. 289]. Позднее, в христианстве, понятие "свет" осмысливалось как условие, первопричина бытия. Слово свет понималось вне зависимости от источников и получило сакральное значение. Отметим: "И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью" (Книга Моисея 1: 3-5; цит. по: [1, с. 1]). Лексему свет стали сочетать с прилагательным белый, что зафиксировано в русскоязычных описаниях Христа на Фаворе, в отображении его (белых как свет) одежд. Так, в Новом Завете находим: "[...] одежды же Его сделались белыми как свет" (От Матфея 17: 2; цит. по: [1, с. 20]). Как следствие, адъектив белый стал вербальным знаком "божественной славы, святости" [4, с. 173]. Поэтому слово белый использовалось для описания не только цвета одежд Иисуса, но и тех, кому дарована вечная жизнь: "Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны. Побеждающий облечётся в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его", – находим в Библии (Откровение 3: 4-5 [1, с. 277]).

В библейских текстах белый цвет, выраженный адъективом белый, выступает свидетельством явления божественной энергии. Отсюда с белой лилией в руках, олицетворяющей чистоту и непорочное зачатие, предстал перед девой Марией Архангел Гавриил, в белых одеждах являлись людям и ангелы. Данные случаи свидетельствуют о том, что прилагательное белый в таких описаниях выступает "символом богоизбранности" [4, с. 173], реализует смысл 'святой'. Таким актуализатором богоизбранности стал колоратив белый и в идиоме белый царь 'русский царь'. В данном выражении слово белый не наделено спектральным признаком, лексемой белый символизируется святость, отмеченность высшими силами. "Народ называет белым веру свою, царя и отечество", – замечает В. И. Даль [5, с. 153]; ср. паремию: Нет у белого царя вора супротив курянина. Это значит, что в силу синкретичности русского слова, обусловленного мифической формой мышления, смысл 'святой' у прилагательного белый перенесён с божественного на царственное.

Сакральные представления отображены не только в теологических текстах, но и во многих фразеологических (паремиологических). Например: белый [Божий] свет; Не жилец на белом свете; Не видать света белого; до белого света. Ср. паремии: Не мил и белый свет, когда милого нет; Помрётся, так прощай белый свет – и наша деревня; Без тебя опустел белый свет. Как видим,

в составе русских фразем и паремий колоратив белый сочетается со словом свет (ср.: белый [Божий] свет – "окружающий мир, земля со всем существующим на ней; жизнь во всех её проявлениях") и понимается как речевой актуализатор цвета божественного света.

Колоратив красный в составе фольклорного выражения красное солнце (солнышко) также наделён сакральным значением вследствие сакрального поклонения ему (древние славяне "были солнцепоклонниками" [6, с. 105], как, впрочем, и другие народы, которые также "на заре человеческого существования поклонялись солнцу" [3, с. 323]). Поэтому прототипная семантика лексемы красный в составе сочетания красное солнце могла быть связана не со значениями 'светлый' или 'красивый', а 'нужный', 'полезный'. Ср.: Когда воссияло солнце красное / На тое ли на небушко на ясное, / Тогда зарождался молодой Вольга, / Молодой Вольга Святославович [18, с. 221]; На светлой заре, рано-утренней, / На восходе красного солнышка [2, с. 275]. Именно поэтому, надо полагать, выражение красное солнышко стало использоваться как ласкательное обращение и обрядовое описание-характеристика. Например: Говорит тут Суханьша, Замантьев сын: "Ты гой еси, батюшко, Владимир – князь Сеславьевич, солнышко красное [11, с. 66] (ср. паремию Ты мой свет в окне, ясен месяц, красно солнышко).

Сакральное включает широкий спектр представлений, относящихся к магии, эзотерике, мистике. Для их вербализации в русской лингвокультуре используется, например, колоратив зелёный как компонент фольклорных сочетаний зелёный сад, зелёный луг, зелёная дубрава и под. В языке устного народного творчества с помощью синтагм зелёный сад, зелёный луг, зелёная дубрава описываются атрибуты места, где происходят сакральные (как и inferнальные) события – различные превращения и волшебства: Ступай с тестем в зелёный сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит царь Змиулан – от вас спрятался [19 (2), с. 136]; [...] Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зелёным лугом, Ивана-царевича старым пастухом, а сама сделалась сминою овечкою [18, с. 283]; Ты сходи-ко, сокол милый брат, / Во поля, в луга во чистые, / Во леса-то во дремучие, / Во дубравушки зелёные, / Где сырой бор с ветром спорится, / Там все звери люты водятся [18, с. 157].

Адъектив зелёный в фольклорной речи разных славянских (не только русского) народов регулярно получает определённые негативные коннотации при inferнальных описаниях элементов природы и "пространства, в котором находится нечистая сила и где она властвует" [15, с. 137]. Так, в южнославянском фольклоре в такое пространство изгоняется всё демоническое, поэтому там происходят "мифические события, влекущие за собой изменение положения вещей (например, отделение нечистой силы от человека)" [15, с. 137]. У восточнославянских (русского) народов к числу наделённых inferнальной силой объектов относятся зелёная трава (отравушка, злодейка), зелёная роща, зелёная ветка, зелёный пруттик и под. Например: Я кошу, за мной растёт / Зелёная отравушка [20, с. 353]; Не сама ли ты, злодейка / Травка, уродилась, / По зелёному лужочку, / Травка, расстелилась: / Заняла ли ты, злодейка, / В лугу себе местечко [18, с. 121]; А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит – и там свет такой же, как у нас; и там поля, и луга, и рощи зелёные, и солнышко греет [18, с. 280]; Катом-дядька дубовая шапка сломил с дерева зелёную ветку и бросил в колодезь: не успела ветка до воды долететь, как уж вся огнём вспыхнула! [19 (2), с. 212]; Ну, ступай же домой; у тебя на дворе есть яблонька, сломи с неё три зелёных пруттика, сплети вместе и там, где собачка заперта, ударь ими по замку: замок тотчас разлетится на мелкие части [19 (2), с. 274]. Как видим, выделенные сочетания вербализуют в русской лингвокультуре атрибуты неизведанных сил.

В свою очередь, профанные (обыденные, повседневные) представления, будучи противопоставленными сакральным и inferнальным, актуализированы в синтагмах чёрный пёс, седой (седатый) пёс как 'плохой'. Ср.: "А собрал ли с крестьян муку?" – "Собрал, собрал, батюшка-барин!" – "Куда же ты её девал?" – "Вам да свиньям пятьдесят четвертей, чёрному псу да твоему родимому отцу сорок четвертей" [19 (3), с. 131]; – Ах ты старый пёс, ты седая борода, / И сгубил ты удаля добра молодца, / Ещё молода Чурилушку Пленковича! [13, с. 337]; Испроговорит грозный царь Иван Васильевич: – Уж ты старая собака седатый пёс [13, с. 294]. В основе семантики высказываний чёрный пёс, седой (седатый) пёс лежит тот лингвокультурный оценочный смысл, которым наделено это домашнее животное. В целом, выражая цветовой признак, слова чёрный, седой (седатый) как компоненты указанных сочетаний не просто обозначают окрас этого домашнего животного, а участвуют в передаче отчётливо негативного смысла, вербализуют профанные представления древних славян. Синкретизм семантики рассматриваемых лексем может объясняться тем, что формирование смыслов у колоративов сопряжено с "нерасчленённостью мышления" [8, с. 35], его образной формой, с развитием номинации в направлении от целого (охватывающего всё окружающее) к частному (В. В. Колесов, Н. А. Луценко, С. В. Кезина, Н. Я. Марр), от "множественности к единству, от чужого или дальнего к себе" [9, с. 329]. Вероятно отсюда и совмещение разных смыслов в семантической структуре данных колоративов, их многозначность.

Профанные представления зафиксированы и в примере Татка с мамкой золотые, / Я – серебряная дочь [20, с. 35], который вербализует большую значимость золотого. Данная семантика адъективов золотой, серебряный восходит к профанному историко-культурному знанию о большей ценности золота, в свою очередь, "ниже по шкале находятся значения, коррелирующие с 'серебряным' (< 'серебро')" [12, с. 239].

Как видим, в русской лингвокультуре функционируют колоративы, которые в определённом окружении выступают как вербальные знаки сакральных, профанных, inferнальных представлений, восходящих к мифической (образной) форме мышления. Между тем "цветовая" семантика колоративов может не осложняться подобными смыслами. Так, собственно спектральные значения колоративов (белый как 'белый', красный как 'красный', чёрный как 'чёрный' и под.) реализуются в примерах типа Стояла та же тишина, что и днём; за окном, слабо защищённым тонкой белой занавеской [...] (Л. Андреев); Когда я в сумерки проходил по дороге, / Заприметил в окошке красный огонёк (А. Блок); У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклокоченные, чёрные [...] [(И. Тургенев). Здесь основным значением этих лексем выступает их буквальная ("цветовая") семантика. Наличие только спектральных значений может быть вызвано динамикой мышления – от мифического (образного) к понятийному (логическому). Как пишет Э. Кассирер, при логической ("философской" в трактовке автора) форме мышления вещи рассматриваются сами по себе, согласно их природным законам и свойствам. Возможно поэтому в определённом лексемном окружении колоративы способны реализовывать только сему цвета. Более того, в современных языках (в том числе и в русском) функционируют лексемы, которые никаких, кроме "цветовых", значений не актуализируют (это относится, например, к словам тёмно-красный, иссиня-чёрный, ярко-жёлтый и под.). Связь семантики этих и подобных колоративов с формами мышления – предмет нашего дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета канонические. – Russian Bible : United Bible Societies, 1992. – 292 с.

2. Былины / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. – М.: Сов. Россия, 1988. – 576 с.
3. Гмызина Э. Цвет в повседневном обходе средневековой Руси : лингвокультурологический аспект / Э. Гмызина // Повседневность как текст культуры : материалы междун. научн. конф., 27–29 апреля 2005 г., Киров. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2005. – С. 320–327.
4. Григорук С. И. Концепт белого цвета в русской поэзии серебряного века / С. И. Григорук // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – № 631. Філологія. – Вип. 41. – Х., 2004. – С. 172–176.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. / В. Даль. – М.: Рус. яз.. – Т. 1. – 1981. – 699 с.
6. Дёмин В. Н. Звёздная судьба народов России / В. Н. Дёмин. – М.: Армада-пресс, 2002. – 320 с., илл. – (Истина где-то рядом).
7. Злыднева Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века / Н. В. Злыднева // Признаковое пространство культуры / [отв. ред. С. М. Толстая]. – М.: Индрик, 2002. – С. 424–431.
8. Кезина С. В. История цветообозначений в русском языке : учеб.-метод. пособие к спецкурсу / С. В. Кезина / Пензен. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского. – Пенза, 2000. – 50 с.
9. Марр Н. Я. Яфетидология / Н. Я. Марр ; послесловие В. М. Алпатова. – Жуковский ; М.: Кучково поле, 2002. – 480 с.
10. Миронова Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека / Л. Н. Миронова // Проблема цвета в психологии; отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж. -М.: Наука, 1993. – С. 172-188.
11. Народная проза / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Азбелева С. Н.]. – М.: Русская книга, 1992. – 608 с.
12. Николова В. Золотое в болгарской свадьбе / В. Николова // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2002. – С. 238–253.
13. Онежские былины : [в 3-х т.]. / [записанные А. Ф. Гильфердингом]. – Изд. 4-е. – М.–Л.: Изд-во АН СССР. – Т. 1. – 1949. – 735 с. (АН СССР ; Ин-т рус. лит-ры).
14. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А. А. Потебня // А. А. Потебня. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – С. 285–378.
15. Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах / Л. Раденкович // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры : источники и методы / АН СССР ; Ин-т славяноведения и балканистики / Отв. ред. Н. И. Толстой. – М., 1989. – С. 122–148.
16. Рахилина Е. В. О цветном и бесцветном. Когнитивный анализ предметных имен. Семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М., 2000. – 225 с.
17. Роу К. Концепция цвета и цветовой символизм в древнем мире / К. Роу // Психология цвета; сб. пер. с англ. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. – С. 76.

18. Русский фольклор / [сост. и примеч. В. Аникина]. – М. : Худож. лит., 1986. – 367 с.
19. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков / АН СССР ; отд-ние истории. – М.: Наука, 1988. – 775 с.
20. Сказки : [в 3-х кн.] / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Круглова Ю. Г.]. – М.: Сов. Россия. – Кн. 2. – 1989. – 576 с.; Кн. 3. – 1989. – 624 с.
21. Частушки / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова]. – М.: Сов. Россия, 1990. – 656 с.
22. Шкуркина Ю. А. О концептуализации понятия "свет" в русском языковом сознании (на материале "Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского" XV в.) / Ю. А. Шкуркина // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии : сб. науч. тр. / [редкол. : С. С. Ваулина (отв. ред.) и др.]. / Калинингр. гос. ун-т. – Калининград, 2001. – С. 167–173.